
Жаркие же настали денечки. В такое пекло хочется очутиться в прохладном месте, выпить ледяного пива — это я сейчас и осуществляла, сидя под зонтиком в летнем кафе, — и предаться безумным мексиканским страстям. Трудно представить, чтобы Отелло, Кармен и Ромео с Джульеттой были эскимосами. Для горячих дел нужна горячая кровь, а при сорока градусах, будь они в стакане или в тени, кровь буквально закипает. Компания за соседним столиком думала примерно так же, судя по долетавшим до меня высказываниям насчет моих ног, короткой белой юбки и полупрозрачной блузки. Почему-то босоножки из зеленой змеиной кожи, самая красивая и дорогая часть моего туалета, оказались обделены их вниманием.

Неторопливое течение моих мыслей прервал возглас:

— Татьяна, это ты!

Я сдвинула темные очки на нос и уставилась на существо, изрекшее это глубоко-мысленное наблюдение. Передо мной стояла женщина неопределенного возраста, с неопределенного цвета волосами, собранными в пучок. Одета она была в платье, напоминавшее халат, в руках держала кошелку.

Проведя мысленную инвентаризацию своих знакомых, я изумленно вскрикнула:

— Наташка! Что с тобой приключилось?!

Она вздохнула, под села к моему столику и начала обстоятельный рассказ о всех событиях, произошедших с момента нашей последней встречи. Я слушала ее вполуха, потому что и так знала ответ на свой вопрос. Моя бывшая одноклассница Наталья Евстифеева была воплощением страсти. Не зная середины, она и в радости и в горе доходила до крайности. Мы виделись дважды в год, и каждый раз с ней происходила оче-

редная метаморфоза. Полгода назад она находилась в светлой полосе своей черно-белой жизни: излучала счастье, здоровье и любовь, смотрела на мир сквозь розовые очки и потрясающе выглядела. Сейчас ее, похоже, настигла черная полоса. За это время она успела развестись с мужем, дважды быть ограбленной, переболеть краснухой и дизентерией, вдрызг разругаться с начальством и забыть в трамвае зонтик. Я уже привыкла к ее переменам, перестала раздражаться и не пыталась на нее повлиять. Может быть, потому, что встречи наши были редки, слушать ее было скорее забавно, чем скучно.

— Представляешь! — удрученно рассказывала она. — Февраль. Холодища, а у меня прорвало батарею, соседи подкинули кота, сами уехали на ПМЖ в Германию, он полез дегустировать суп, поджег хвост и спалил занавеску. А эта скотина напилась!

— Какая скотина? — изумилась я. Мое богатое воображение тут же нарисовало картину: прожженный котяра, с подвязан-

ной вместо салфетки занавеской, лакает воду из батареи.

— Мой бывший! — возмутилась моей непонятливости Наташка.

— Диагноз ясен. Прописываю лекарство. — Я поставила перед ней банку с пивом. Подруга с готовностью выпила, и глаза ее приобрели задумчивое выражение.

— Эх, Татьяна, завидую я тебе. Красивая, умная, денег куры не клюют, мужики за тобой толпами бегают, — перехватила она взгляд, брошенный на меня веселым дядей за соседним столиком, — а мне-то и нужен всего один...

— Так в чем проблема? — перевела я разговор на менее опасную тему. Идеалом Наташки был Штирлиц, и она была готова говорить о нем без умолку, пока находились слушатели. Большинство ее поклонников и оба мужа не выдерживали конкуренции с этим объектом поклонения и, рано или поздно, исчезали из ее жизни. — Надо сходить куда-нибудь развеяться.

— Куда? — В глазах Натальи вспыхнула робкая надежда.

— В такую жару лучше поближе к воде: на набережную, в казино.

— Это на мою-то учительскую зарплату? Да мне и на вход не хватит!

— Это я к примеру. А слышала про плавучую дискотеку на «Белом пароходе»? Там, говорят, и цены умеренные, и от реки прохлада, и мужиков полно.

— Дискотека?.. Куда мне, я уже старая, — отмахнулась рукой Наташка.

Я обиделась.

— Мы с тобой одногодки, а старой я себя пока не считаю. Они — тоже. — Я кивнула на соседний столик.

— Ладно, уговорила. Только ты обязательно пойдешь со мной... Ты такая благоразумная и опытная! Вот и не дашь мне вляпаться в какую-нибудь историю.

— Не подлизывайся. Хотя насчет опытности ты права, но благоразумия самой не всегда хватает. — Я припомнила пару троек эпизодов из своей биографии. Знай о них Наталья, она пожелала бы себе другую спутницу.

— Так даже лучше! — развеселило На-

ташку выражение моего лица. — Значит, можем вместе вляпаться. Здорово будет. Обещаю помыться и постричься. Кстати, Танька, давай кости твои бросим. Гадальные, я имею в виду.

— С каких это пор ты в гадания веришь? Насколько я помню, раньше тебя заставляла задуматься только баба с пустым ведром, да и то не всегда.

— Сердце красавицы склонно к измене и перемене!

— Так то красавиц, — заметила я, доставая магические кости из заветного замшевого мешочка. Одно время я раздумывала, почему люди верят во всевозможные гадания? Разве туманные пророчества надежнее фактов? Я пришла к выводу, что человечеству не хватает уверенности в себе. Из расплывчатых ответов гороскопов, карт и других колдовских предметов так легко извлечь подтверждение или оправдание своим поступкам. Хотя есть в этом и что-то чудесное...

Вопрос сформулировали один на двоих: во что выльется наша с Наташкой затея.

Бросала она:

— Забросил первый раз старик... Хм, старуха... Хм, молодая и привлекательная девушка невод, и пришел он с ответом... Так что у нас тут... 21+33+12. Что это такое?

— «Положитесь на свою счастливую звезду и смело шагайте вперед. При этом пусть ничто вас не тревожит — желание ваше исполнится с некоторой задержкой», — процитировала я по памяти.

— Вот и славненько. Значит, и в самом деле надо идти.

* * *

Таким образом, в полвосьмого я заехала за Натальей, так как машины у нее, конечно, не было. Жила моя приятельница в однокомнатной квартире нового, но уже похожего на девятиэтажный сортир дома. Лифтом я воспользоваться не решилась и потопала на седьмой этаж пешком. Всегда так. Как наденешь шпильки, так то покорять горные вершины приходится, то участвовать в беге с препятствиями в виде заборов. Неудивительно, что львиную долю

моего ежемесячного заработка пожирают расходы на приобретение новой обуви.

Открывшая мне дверь Наташка, казалось, сбросила десяток лет. За те несколько часов, что я ее не видела, она успела сделать короткую стрижку, покрасить волосы в светло-русый цвет, наложить вечерний макияж, одеться в мини-платье с золотым поясом и полностью изменить свое отношение к жизни. Вот за это я ее и люблю. Я выглядела не хуже в красном, на ладонь выше колена платье, с золотым кулоном с моим знаком Зодиака и с золотыми швейцарскими часиками.

— Дылда ты эдакая! При твоём росте такие каблуки! Я же тебе в пупок дышать буду, — ласково приветствовала меня Наталья.

— Зато ты выглядишь клево! С тобой опасно на улицу выходить: точно вляпешься в какую-нибудь сомнительную историю с незадачливыми поклонниками.

— Главное, до этого в подъезде во что-нибудь не вляпаться, — благодарно улыбнулась мне Наталья.

В коридорчик прошествовал котяра-подкидыш, недовольно взирая на хозяйку-предательницу и просчитывая возможные пути к побегу. Захлопнув дверь перед его носом, мы отправились навстречу приключениям.

В восемь часов на «Белом пароходе» уже вовсю гремела музыка, сияли огни, звенели комары, намеревавшиеся полакомиться многочисленными парочками, одинокими симпатичными леди и подвыпившими представителями мужского пола, которые толпились на причале и палубе. От Волги шла живительная прохлада, заставляя забыть о душном дне, оставшемся позади.

По моей спине пробежали мурашки, и меня охватило предчувствие чего-то неотвратимого, неизвестного. Я не могла разобраться, к худу это или к добру, и зябко поежилась. Чем черт не шутит! А вдруг я действительно встречу сегодня свою судьбу, человека, рядом с которым я, сильная женщина, почувствую себя слабой... От жары, что ли, я стала такой романтической? Раз-

мечталась... Я посмотрела на Наталью и невольно улыбнулась. Она стояла, зачарованно глядя на пароход, оробев, как ее тезка на первом балу. Да, не часто выпадала ей в последнее время возможность выбраться в свет.

— А ну, народ, заходи на пароход! — зазвучал громовой призыв диджея. — В восемь заправка, полдевятого отправка, в девять — с льдиной состыковка, тонет пароход, в девять тридцать остановка, дозаправка, упаковка и второй заход!

Под оглушительные звуки оптимистичной песни «Девчонки, девчонки, короткие юбчонки!» мы поднялись по трапу на палубу и, не сговариваясь, отправились в бар, чтобы промочить горло и набраться смелости.

Взяв бутылочку «Балтики», я критически оглядела присутствующих. Присутствующие критически оглядели меня. Да уж, публика подобралась весьма разношерстная. Пароход, наконец, отчалил и отправился к мосту.

— Девушки, еще пива? — Кандидатуру

обратившегося к нам парня можно было бы рассмотреть поподробнее, если бы не тот факт, что даже при отсутствии качки у него наблюдался явный боковой крен. Мы переглянулись. Не Штирлиц.

— Девушки идут танцевать, — гордо заявили мы и направились на верхнюю палубу. Мужичок отсеялся при попытке взобраться вслед за нами по крутой железной лестнице с узкими ступенями.

Заходящее солнце окрасило легкую рябь на воде в золотисто-рыжий цвет. Мелькали белые силуэты чаек. Все чаще попадались поросшие лесом острова.

Мы потанцевали, попутно отклонив предложения нескольких хронически красноречивых любителей пляжа и парочки молодых людей предпенсионного возраста. Вдруг Наташка пихнула меня в бок, причем довольно болезненно.

— Погляди, вон там, у перил! — Ее шепот заглушал музыку. — Ну, вылитый!

Я посмотрела в ту сторону. У перил стоял он, Штирлиц. О лице и фигуре больше добавить нечего. Белая накрахмаленная

рубашка, черные брюки со стрелками, начищенные до блеска ботинки и задумчиво-отсутствующий взгляд дополняли впечатление.

— Ну, Наташка, смотри не упусти. Давай знакомься. Желающих много.

— Ой, ну как же я... Он еще что подумает... Я не могу... А как бы это повернуть?

Мне стало смешно.

— Смотри и учись. Выступает заслуженная артистка всех времен и народов Татьяна Иванова. Акт первый, сцена третья. Те же и герой не моего романа.

Я схватила ее за руку и потащила к Штирлицу.

— Простите, можно вас побеспокоить? — промурлыкала я, взмахнув ресницами. — Мы тут с подружкой поспорили: у вас такая потрясающая выправка. Вы, случаем, не военный?

Он повернулся, и мое сердце оборвалось. Этот взгляд из-под тяжелых век, эта легкая полуулыбка. Казалось, я знала его всю жизнь.

— Угадали. Я бывший военный летчик. Сейчас на пенсии.

— На пенсии? — удивилась я.

— Есть места, где год идет за два.

— Дослужились, наверное, до генерала?

— Да нет, до подполковника.

— Ах да, забыла представиться. Татьяна. А это моя подруга Наталья. — Я обернулась к то бледнеющей, то краснеющей подружке.

— Очень приятно. Виктор Морозов. На что же вы спорили?

Я сделала паузу. Наши глаза встретились, и меня бросило в жар. Простыла, что ли?

— Выигравшая должна пригласить вас на танец.

— Я не сомневаюсь, что выиграли спор вы. — И он галантно протянул мне руку.

Мне понравилось, что он не перешел сразу на «ты». Я сделала шаг в сторону и подпихнула к нему Наталью.

— Ошибаетесь, на этот раз я проиграла.

Штирлиц ушел танцевать с моей одноклассницей, с сожалением посмотрев в

мою сторону. Мелочь, а приятно. Странно все-таки устроен мир. Я встретила чужую ожившую мечту и не имела на нее права. Но как бы я ни мучилась угрызениями совести, сейчас он будет танцевать со мной... Один только танец, и я снова отдам его Наталье. Наконец музыка закончилась, и мы с Наташкой поменялись местами.

— Скоро подойдет мой друг, — ободряюще улыбнулся Наталье Штирлиц, — и, в отличие от меня, он вам скучать не даст.

Двигался он неплохо. По крайней мере, ноги я отдергивать успевала. Или у меня просто слишком быстрая реакция? Пароход тем временем причаливал к пристани для загрузки новой порции отдыхающих. Начался следующий танец, Наташка было встрепенулась, но Штирлиц меня не отпустил, и мы продолжали медленно кружиться под чарующие звуки голоса Селин Дион «Мое сердце будет биться вечно»... Не желая разрушать прелесть момента, я все же укоризненно заметила:

— Сейчас очередь моей подружки.

— Подругам опасно появляться в вашем обществе. Вы слишком красивы.

Я промолчала, но слегка обиделась за себя и за Наташку. Все мужики одинаковы. Им яркая обертка важнее конфетки. Что была бы моя красота без моих мозгов, моего характера и моих талантов?

Краем глаза я заметила, что разочарованная Наталья отправилась к спуску в бар. Дойти она не успела. Навстречу ей поднимался темноволосый мужчина. Он поравнялся с Натальей, и тут я почувствовала неладное. Мужчина вздрогнул и стал оседать на руки опешившей Наталье. По его светлой рубашке расползлось багровое пятно. Он пытался что-то сказать. Наталья наклонилась к нему. Его губы прошептали что-то, и он замер на палубе. Наталья открыла рот да так и застыла. Руки, обнимающие меня, напряглись. Мгновение, и я оказалась рядом с упавшим. Похоже, что вновь прибывший был уже трупом. Нам пора было отсюда сматываться, пока никто еще ничего не понял и не началась паника. Я обвела глазами берег и здание речного

вокзала. Наиболее выгодная позиция для киллера, а я не сомневалась, что это был чей-то удачный выстрел, на втором этаже. Рев музыки заглушал любые звуки.

Я схватила Наташку в охапку и кубарем скатилась вниз по лестнице. Да, не везет сегодня моим туфелькам. Каблук я не сломала чудом. По шуму позади я поняла, что Штирлиц не растерялся и следует за нами.

До машины мы добрались без приключений. Из состояния ступора Наталья внезапно впала в истерику.

— Вы видели! Он! На меня!.. Я... А я! Такое п-п-пятно! Кровь! У-у-у-у! — И она залилась слезами.

Я толкнула ее на заднее сиденье своей «девятки». Штирлиц сунул Наташке платок, из которого вывалилась визитка. Руки ее чуть заметно дрожали. Штирлиц достал сигареты, выбил из пачки одну и нервно затаился. Мог бы мне предложить.

— Вы уверены, что он мертв? — Его голос прозвучал хрипло.

Я кивнула и пристально посмотрела на Штирлица.

— Вы его знали?

Он ничего не ответил, отшвырнул окурок и, бросив:

— Сами до дома доберетесь? Отлично. Может быть, еще увидимся, — отправился назад к пароходу.

Дома я вылила в Наталью все ее запасы валерьянки и пустырника, а сама для профилактики глотнула рябиновой настойки. Говорят, для сердца полезно. Наташка стала затихать. Я укрыла ее одеялом, положила на колени кота.

— Ну что, подружка, повеселились?

Ответом мне было сонное всхлипывание. А мне еще предстоял путь домой.

Длинные гудки терзали мою раскалывающуюся голову. Так. Сначала пиво. Много пива. Потом рябиновая настойка. Потом... Чем это я уже дома успокаивала расшатанные нервы?..

Я покосилась на ряд бутылок у батареи, которые давно пора было выбросить. Хоть убей, не помню, какие из них я вчера до-

пивала. Все. Становлюсь трезвенницей. И праведницей. И спортсменкой. За это стоит выпить! Таблетка «Эндрюс Ансер» с громким шипением растворилась в рассоле. Русское шампанское. Ох. Я с отвращением выпила и закурила. Звуковая комбинация в трубке не изменилась. Ну что же ты, Наташа, подойди к телефону! Твоя заботливая подруга уже полчаса как очухалась и пытается установить, так же плохо ты провела эту ночь, как она, или еще хуже? Может, этой ненормальной уже нет дома? Ладно она, но кот этой телефонной какофонии терпеть бы не стал. Или телефон бы сгрыз, или хозяйку. Видели мы этого подкидыша. Как только морда в кастрюлю влезла?

Попытаем счастья у ее предков. Я набрала номер.

— Алло. Здравствуйте, тетя Лид. Это Таня Иванова. Наташка у вас? Значит, нет? Да нет, ничего не случилось. Мы с ней вчера посидели, погудели, вспомнили молодость. Нет, не как в десятом классе, без вытрезвителя обошлось. Хотела с утра по-

слушать, чья голова громче трещит, а номер ее забыла. Ваш-то с детства помню. Ага, сейчас запишу, — записывать я, конечно, не стала, так как врала. Во благо. Зачем беспокоить Наташкиных родителей. — Жизнь? Хорошо. Здоровье? Отлично! Работа? Замечательно. Настроение? Чудесное. Нет, замуж не вышла. Пока лишаю свободы я, а не меня. Ладно, тетя Лид. Спасибо. До свидания.

Несколько минут я тупо смотрела на телефонный аппарат, представляя разные ужасные картины: Натали, не выдержав очередной подлости судьбы, повесилась в туалете... Или нет, открыла газ на кухне... А может, перерезала себе вены в ванной? Наглоталась таблеток. В комнате. Прыгнула с балкона... Что еще есть у нее в квартире? Коридор? Какое смертельное событие может произойти в коридоре, я так и не смогла придумать.

Ну что ж, придется ехать. Весьма вероятно, что Наташка просто спряталась в шкафу и боится подойти к телефону, думая, что звонит очередная неприятность.

На неприятность я вроде бы не тяну. Я посмотрела на себя в зеркало. Все, что находилось ниже помятой с перепоя физиономии, вызвало у меня чувство глубокого удовлетворения. Остальное улучшим с помощью косметики и расчески.

На улице опять стояла жара. В комнате было ненамного прохладнее. Даже минимум одежды грозил тепловым ударом. Меня всегда поражало, как это мужчины умудряются ходить летом в брюках и носках. Хорошо быть женщиной! А лучше рыбой. Я приняла душ. Забрав несколько вариантов, я наконец остановилась на костюме-сафари. Сегодня никаких каблуков! Сетчатые теннисные туфли подойдут в самый раз. Так, теперь цепляем на нос темные очки, сумку — в руки. Все! Я готова.

Выйдя из дома, я поняла, что за баранку мне сегодня садиться не хочется. У меня нынче все цвета красные. Доехала на автобусе. У Наташиного дома ни неотложки, ни труповозки не наблюдалось. Вывод: или ее предполагаемый хладный труп уже отвезли, или еще не нашли. Я потопталась

около лифта, но он, скрипя сердцем или что там у него есть, ушел в заоблачную высь и возвращаться не торопился. Добежав до седьмого этажа, я решила, что зарядку сегодня делать не буду. Стоп. Дверь прикрыта, но не заперта. Я на цыпочках подкралась поближе и прислушалась. Тишина. Рывком распахнув дверь, я влетела в квартиру...

С люстры упал носок. В Наташкиных апартаментах все было перевернуто вверх дном. Из ящиков вывалено белье, шкафы с открытыми дверцами, а на полу настоящие баррикады из стульев, летней и зимней одежды и мелкой бытовой техники. Под ногами хрустели таблетки валидола в упаковке из фольги.

Побродив по квартире, я не обнаружила ни Наташку, ни кота. Ну и дела! Хотела бы я знать, что здесь искали. И вообще, кто все это устроил? И куда делась хозяйка этого сумасшедшего дома? И где мне найти ответы на эти вопросы? Параноидальные подозрения вновь кольнули меня. Нельзя сказать, что я по-настоящему волновалась

за Наташку. От нее можно было ждать чего угодно. Но развороченная квартира — это даже для нее слишком. Хотелось надеяться, что в данный момент она названивает в мою дверь и мы просто разминулись.

Остаться дальше не имело смысла. Надо бы порасспросить соседей. Вдруг кто-нибудь что-нибудь слышал. Захлопывая входную дверь, я убедилась, что лифт все же иногда работает. Из него выгрузились двое узколобых детин с короткой щетиной на головах. Похожи они были, как близнецы-братья, но тот, что слева, вертел на пальце ключи от машины. На накачанных телах детин нелепо смотрелись форменные черные брючки и рубашечки с пластиковыми карточками на груди. Одежда, как с чужого плеча, а вот резиновые зеленые тапочки явно свои, родные.

Детинушки синхронно посмотрели на номер квартиры, из которой я только что вышла, потом на меня и глубокомысленно выдали:

- Она?
- Она.

— Будем брать.

Они растопырили руки и пошли на меня. Я поскуучнела. Справиться с ними будет нелегко: сознания их не лишишь, по причине его отсутствия с самого рождения, мышечный заслон не пробить никакими приемами, и, следовательно, к боли они чувствительны не более, чем баобабы. Но нелегко — не значит невозможно. К лестнице прорвемся. Когда они приблизились на небезопасное расстояние, я начала действовать.

Правый получил пяткой в челюсть, дернулся и уже самостоятельно шарахнулся затылком о стену. Он не упал, но лицо его приобрело задумчивое выражение. В это время левый заорал: «Убью, сука!» — и выронил ключи, согнувшись от нестерпимой боли в коленке. Ковылять потихонечку всю жизнь не будет, но минутную передышку я получила.

Я подняла ключи и рванула вниз по лестнице. В голову лезли ненужные мысли. Мужчины напрасно думают, что бог дал женщине ноги только для красоты. Поми-

мо привлечения внимания, демонстрации окружающим новых дорогих колготок и туфель, нанесения ударов по различным болезненным местам, распахивания дверей и нажимания на педали автомобилей, роялей и велосипедов, ноги являются еще и средством передвижения. В данном случае бега. Ценность длинных ног в той скорости, которую они могут развить.

А вот зачем бог дал ноги мужчине — непонятно. Большинство моих знакомых передвигаются на разного вида транспорте... И уж точно не для красоты. Я всегда считала, что Рим пал из-за того, что римлянкам надоело любоваться на мужиков в неких подобиях банных простыней, из-под которых торчали кривые лохматые ноги. Дамы променяли их на варваров в штанах. Ух! Первый этаж!

Мордвороты предпочли лифт. О моем правильном выборе меня известили громкие вопли и стук между четвертым и пятым этажами. Я вылетела из подъезда. Дорогу мне преградил шикарный черный блестящий катафалк. Я опешила. Вот откуда у на-

падавших такой мрачный прикид в эту невыносимую жару. Я глянула на брелок с трофейными ключами. На черном фоне золотом было выгравировано: «Похоронное агентство «Последний путь». На дверце машины две буквы П переплетались в виде райских врат.

Сзади слышались топот и ругань. Катафалки я раньше никогда не угоняла. А, была не была! Все когда-нибудь придется делать в первый раз. И мне легче будет удрать, и им труднее меня догнать.

Мотор завелся с пол-оборота. Люблю хорошие машины. Выезжая со двора, мне пришлось резко ударить по тормозам. Я едва не сбила тетку с пустым мусорным ведром. Если верить Наташке, баба с пустым ведром — дурная примета.

— Куда прешь, жаба крашенная?! — завизжала тетка. — Трупов не хватает?! Так я тебе щ-щас помогу! Морду так начищу, что от покойника не отличат.

— У дураков мысли сходятся, — пробормотала я, заметив показавшихся из подъезда бандитов, и вырулила на дорогу.